

17-3
1994

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Новосибирская государственная академия
экономики и управления

Ю. П. Ивонин

Между гармонией и восстанием

*(Проблема социального идеала в русской философии
«Серебряного века»)*

Часть 2

Ответственный редактор доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

К. Н. Любутин

Книга печатается в авторской редакции

Новосибирск 1997

Для Метанова

№ 1958 К

связывает надежды на социализм с капиталистической модернизацией, с ростом «культурь». В его построениях нет никакой близости традиционализму.

Идеологические интерпретации представлений об оптимизационном идеале у А.А.Богданова и А.В.Луначарского мало подходили для революционного марксизма в России. Вряд ли кого-то могла вдохновить перспектива создания «островка» социализма как внутреннего духовного мира пролетариата, да еще без надежды на успех. Столь же ограниченной выглядела и позиция А.В.Луначарского, предлагавшего русским марксистам роль авангардной контр-элиты в соревновании со столь же агрессивными субъектами на почве капиталистической культуры.

Подлинный идеологический прорыв русского марксизма к обоснованию *непосредственной* социалистической революционной программы в России совершил В.И.Ленин. Он сумел освободить русский марксизм от моральной амбивалентности, мучительность которой отмечал еще Н.К.Михайловский (стремиться к социализму — приветствовать рост и укрепление капитализма). В.И.Ленин не только решил задачу сближения всеобщего и оптимизационного социальных идеалов. Он выступил своеобразным «фокусом» русской общественной мысли. В его работах отразились все традиции истолкования социального идеала: этическая и социально-философская концептуализация представлений о совершенном обществе, требование капиталистической модернизации и доверие к историческому опыту народа и его традиционным ценностям.

8.2. Г.В.Плеханов и В.И.Ленин

Пионер отечественного марксизма, Георгий Валентинович Плеханов, во многих положениях своего представления о социальном идеале был

оппонентом В.И.Ленина. Он принадлежал к тому направлению русского марксизма, которое учение К.Маркса интерпретировало как соединение естественно-научного материализма и социологического («технологического») детерминизма. Такой образ учения германского мыслителя Г.В.Плеханов противопоставлял «субъективистской» и «волютаристской» интерпретациям К.Маркса. Последние обнаруживались им у А.А.Богданова, а затем — и у В.И.Ленина.

Г.В.Плеханов всегда был социалистом, но не всегда — марксистом. Первоначально будущий марксист Г.В.Плеханов был сторонником «социологического субъективизма» Н.К.Михайловского. Он разделял важнейшие его положения: (1) идею альтернативности социального процесса; (2) традиционалистскую идею о возможности социалистической эволюции докапиталистического общества; (3) отождествление капиталистической альтернативы с социальным регрессом. Г.В.Плеханов писал: «в принципе первобытной общины, как она существует, положим в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель», поэтому «мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия *не может* миновать капиталистической продукции» [35, т.1, с.61, 63]. Наконец, автор не видел в капиталистическом обществе условия перехода к социалистическому идеалу. На Западе, полагал Г.В.Плеханов, капитализм вырос из «индивидуальной кооперации» (мануфактуры), напротив, «у нас же капитализм вытеснит собою поземельную общину, т.е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе. И никакая «социализация труда» на фабриках не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда — земле» [35, т.1, с.62].

В дальнейшем Г.В.Плеханов радикально изменил свою позицию. Больше она уже им не пересматривалась. В работе «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) автор высказал идеи, которые Н.К.Михайловский считал интеллектуально и морально разрушительными для социалистов.

Россия не готова даже к оптимизационному идеалу европейских социалистов — «диктатуре пролетариата». В Европе «производительные силы, которые уже теперь находятся к услугам цивилизованного человечества, властно требуют обобществления средств производства и его планомерной организации» [35, т.4, с.181]. В России же «мы не отрицаем, что рабочему классу было бы *полезно* добиваться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это *невозможно* для него по многим причинам» [35, т.2, с.60].

При этом Г.В.Плеханов осознавал, что всеобщий социальный идеал К.Маркса подчинен *этической концептуализации*: «понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не *анархии*, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но *пан-анархии*» [35, т.2, с.78]. Однако оптимизационный идеал обозримого социального развития — десубъективизированный социальный порядок, капитализм. Капиталистическое же общество мыслилось ценным как условие развития пролетариата. Пространство между всеобщим социальным идеалом и оптимизационным социальным проектом русских марксистов должно было быть заполнено капиталистической эволюцией.

Подготовленность страны к социалистическому идеалу определялась не политической или психологической мобилизованностью масс, а объективным

социально-экономическим состоянием. Г.В.Плеханов писал: «социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социальная, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России». Политическое развитие социалистически ориентированных масс, полагал автор, производно от экономического развития страны: «объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации» [35, т.2, с.79].

Социологический детерминизм и эволюционизм Г.В.Плеханова был, однако, очень далек от академического, доктринально чистого образца. Так, русский марксист использовал идею альтернативности социального развития, которую он вынес из школы «субъективной социологии». Только на этот раз перспектива социалистического развития отождествлялась с общественным регрессом. Г.В.Плеханов использовал абстракцию осуществимости применительно к возможной ситуации захвата власти в России социалистами. Перед социалистическим правительством «предстоит такая альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет организовать национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах патриархального и авторитарного коммунизма».

Последняя альтернатива означает, что «национальным производством будет заведовать социалистическая каста», последствием же такого управления будет то, «что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства» [35, т.2, с.81].

В общем виде, однако, социальный эволюционизм Г.В.Плеханова неявно апеллировал к идее безальтернативности и одновариантности. К этому обязывало представление о *причинной* обусловленности и необходимом характере социального процесса. Так, в полемике с Э.Бернштейном русский автор писал: «невозможность существования научного социализма может быть доказана только в том случае, если станет очевидной невозможность научного предвидения общественных явлений» [35, т.11, с.67]. Предвидение основывалось на идее закономерности и виделось автору вариантом объяснения. Объяснение же исключало представление о человеческой субъективности и случайном ходе событий. Так, Г.В.Плеханов утверждал: «научному объяснению поддаются только те явления, которые подчинены закону необходимости. Если бы общественный человек мог быть известен нам лишь как *причина* общественных явлений, то его деятельность была бы доступна нашему представлению лишь со стороны своей *свободы*, и потому она навсегда осталась бы недоступной для научного объяснения» [35, т.11, с.77]. В идее необходимого характера общественного процесса автор видел специфику научного социализма [35, т.11, с.82].

Однако, когда Г.В.Плеханов сталкивался с примерами действительно последовательного эволюционизма, он обнаруживал непонимание данной доктрины. Так,

логически безупречная точка зрения П.Б.Струве о том, что *теоретически* невозможно мыслить социализм иначе, чем в категориях буржуазного общества (более подробно об этом см. гл. 4, раздел 4.1), вызвала возражение Г.В.Плеханова: «в теоретическом отношении защищаемая г. П.Струве теория эволюции имеет... тот коренной недостаток, что в ней есть место только для изменения уже возникших вещей, а не для возникновения новых» [35, т.11, с.253].

Такую же непоследовательность в отстаивании эволюционизма Г.В.Плеханов проявил в полемике с В.И.Лениным в 1905 г. С одной стороны, Россия представлялась ему страной, необратимо ставшей капиталистической. С другой — в проекте национализации земельного фонда автор видел программу восстановления «нашей государственно-экономической китаищины». Причем эту альтернативу он считал реальной: если бы «удалось восстановить указанную экономическую основу старого нашего государственного порядка, то сильно, очень сильно повернулось бы назад колесо русской истории» [35, т.15, с.36].

Последовательным Г.В.Плеханов был, однако, в отрицании антропологического обоснования социального идеала. Последнее виделось ему отличительным признаком утопизма. Мыслитель писал: «утопистом является всякий, кто задумает совершенную социальную организацию, исходя при этом из какого-нибудь абстрактного принципа. Абстрактный принцип, который лег в основу теоретических изысканий утопистов, — это понятие о «природе человека»» [35, т.4, с.172].

Культурологическая составляющая оптимизационного идеала Г.В.Плеханова также была неизменна в марксистский период его творчества. Он был сторонником последовательной капиталистической вестернизации России. Этим он отличался от многих русских социалистов и марксистов. Ему совершенно чуждо было

умонастроение «мимикрирующей вестернизации» В.И.Ленина (разрушить текущую стадию европеизации страны, чтобы перейти к европейски более высокой стадии общественного роста — социализму). Г.В.Плеханов вообще считал, что русские социалисты пошли по пути «славянофильской переделки западноевропейского утопического социализма» [35, т.9, с.15].

Социалистический идеал виделся русскому марксисту завершением вестернизации страны: «рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России» [35, т.3, с.78]. При этом европеизация представлялась ему процессом разрушения традиционного духовного опыта народа. Традиционалистские ценности не имели никакого значения для построения социализма. Г.В.Плеханов писал: ««обезнародив» часть трудящегося населения России, капитализм впервые обеспечил прочную общественную поддержку передовым стремлениям, проникавшим с Запада в Россию. Только с тех пор идеологи названных стремлений перестали быть «умными ненужностями» и «лишними людьми». Только с тех пор их, заимствованные у Запада, идеалы получили шансы на осуществление в России» [35, т.20, с.127].

Вестернизаторская позиция Г.В.Плеханова находила аргументы в эволюционистской концепции. Так, автор провозглашал: «мы не боимся быстрого развития капитализма в России: мы понимаем, что он приближает нас к нашей цели» [35, т.3, с.238]. При этом капиталистическое развитие отождествлялось с вестернизацией страны: «в России все более и более развивается капитализм, т.е. возникают такие формы социального быта, которыми характеризуется Западная Европа. В социальном быте России совершается теперь глубокий процесс европеизации. Этот процесс необходимо поведет за собою и политическую европеизацию России» [35, т.3, с.234].

Однако вестернизаторский и эволюционистский оптимизм Г.В.Плеханова был только кажущимся. Его идея альтернативных путей социальной эволюции не могла гарантировать прочности указанного пути развития России. Для него необходимо утверждать наличие универсальных социальных законов. А этого-то русский марксист на конкретном культурологическом материале не делал. Сомнения по поводу применимости общесоциологических законов ко всем социальным организмам были изложены Г.В.Плехановым в знаменитом «Введении» к его книге «История русской общественной мысли». Россия мыслилась страной восточного типа: исторически она сближалась с Востоком и все далее уходила от принципов западного развития [35, т.20, с.77]. Реформы Петра I мало что изменили в этом отношении: интеллектуальная вестернизация сопровождалась ориентализацией социальных технологий. В целом, социальное развитие России представлялось Г.В.Плеханову вариантом маятникового движения: вестернизация прерывалась новым возвратом к Востоку. Итоги вестернизации представлялись ему все более непрочными. Так, неудачу освободительного движения 1905 г. русский марксист объяснял слабостью вестернизации страны [35, т.20, с.114]. Поэтому Г.В.Плеханов критически относился ко всем экспериментам над русским капитализмом, основанным на предположении его прочности, и к которым так склонны были его партнеры по РСДРП. В таких экспериментах он видел угрозу для европеизации и социалистического будущего России.

В работах В.И.Ленина сравнительно мало философской рефлексии над концепцией социального идеала, а та, что есть, — совпадает с общими марксистскими представлениями. Например, в брошюре «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» он отмечал, что у Маркса — научное, а не антропологическое обоснование социалистического

идсала [27, т.1, с.157]. Несколько позже, в полемике с П.Б.Струве, он полагал, что один и тот же индивид может одновременно выступать и как объективный исследователь социальных явлений, и как субъект оценки. Эту точку зрения он полагал более глубокой, чем идею П.Б.Струве о несовместимости науки и оценки [27, т.1, с.418-419].

В.И.Ленин требовал «конкретного» подхода к изучению социальных явлений, который он понимал как учет специфики социальной, экономической и политической ситуации в каждой стране. Однако за этой идеей скрывался социологический универсализм: «пролетарий», «буржуа», «мелкий товаропроизводитель», «бюрократ» — были для В.И. Ленина интернациональными фигурами, их спецификация определялась уровнем развития соответствующей «общественно-экономической формации», т.е. при помощи *непосредственного* использования социологической абстракции высокого уровня. Такие абстракции неприменимы для описания конкретного локального сообщества и требуют введения опосредующих звеньев.

Во всяком случае традиционный культурологический подход своего времени В.И.Ленин не применял: у него нет рассуждений о «душе народа», о специфике этнической психологии и т.д. Так, он отверг попытку П.Б.Струве представить народничество как разновидность «славянофильства» и ориентализма.

В.И.Ленин высказал и свое отношение к полемике П.Б.Струве и Н.К.Михайловского о социальном идеале (она рассмотрена в предшествующих главах). Эти авторы обсуждали вопрос о ценности социальной дифференциации. В.И.Ленин отверг эту постановку вопроса как «абстрактную»: «в передаче г. Струве постановка вопроса грешит тем же недостатком, что и у г. Михайловского. Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно

ненаучно, потому что нельзя установить соотношения, годного для всякой формы общества» [27, т.1, с.431]. Но, с одной стороны, В.И.Ленин косвенно поддержал Н.К.Михайловского, говоря о единстве социалистических идеалов марксизма и левого традиционализма. Народнические «идеалы чрезвычайно ценны для марксизма; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их» [27, т.1, с.435]. С другой стороны, он поддержал и П.Б.Струве, высоко оценив капиталистическую эволюцию как в краткосрочном, так и долгосрочном планах. Капитализм, по В.И.Ленину, делает существование человека разносторонне обогащенным: «прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу» [27, т.1, с.433]. Кроме того, капитализм создает необходимые предпосылки социалистического общества: «марксисты считают крупный капитализм явлением прогрессивным... потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности» [27, т.1, с.395].

В.И.Ленин в полемике с «народниками» придерживался представления о *безальтернативности* капиталистической эволюции страны. Это существенно ослабило народнический аргумент о нравственной двойственности русского марксизма. Он отверг идею, что социализм мог стать практической программой, альтернативной капиталистической эволюции. В традиционалистском секторе народного хозяйства автор не видел никаких предпосылок социализма [27, т.2, с.532]. «Хозяйственная самостоятельность» мелкого производителя виделась В.И.Ленину растратой рабочей силы, консервацией ограниченного существования (которое может преодолеть капитализм) [27, т.2, с.537].

Существенным шагом по сближению всеобщего марксистского идеала и оптимизационного идеала в 1905 г. у В.И.Ленина стали: а) идеи «буржуазной революции без буржуазии»; б) альтернативности самой капиталистической эволюции России. За несколько лет до событий 1905 г. автор рассматривал пролетариат как единственную социальную группу, заинтересованную в последовательных демократических преобразованиях [27, т.2, с.455]. В известной работе В.И.Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» идея, что буржуазная революция в России невозможна как революция буржуазии, получила окончательное оформление. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — это оптимизационный идеал основателя большевизма на целых 12 лет. Эта идея — более радикальна, чем политический проект подготовленной В.И.Лениным программы РСДРП [27, т.2, с.85]. От требования правового, либерального государства, гарантирующего политические и гражданские права, автор переходит к требованию участия пролетариата в революционной диктатуре. Однако и этот идеал не может избежать упрека Н.К.Михайловского, о котором говорилось выше. Революционно-демократическая диктатура должна была, по мысли В.И.Ленина, осуществить создание условий для быстрого роста капитализма: «пролетариат отстаивает самый последовательный и самый решительный буржуазный переворот, самые благоприятные условия капиталистического развития» [27, т.16, с.304].

Капиталистической эволюции не было альтернативы, но альтернативны были варианты этой эволюции — «пруссский» и «американский». Марксисты, по В.И.Ленину, должны были поддержать «американский» путь [27, т.16, с.216,220]. Однако, по прогнозам автора, и он должен был привести к «росту эксплуатации» пролетариата [27, т.16, с.327].

Здесь надо было обратить внимание, что В.И.Ленин в 1905-1910 гг. отходил от идеи жесткого социологического детерминизма (всегда склонного к признанию инвариантности хода событий). Одновременно это было и ограничение «западнической», модернизационной схемы русского марксизма. При этом у автора не было недостатка в резких антитрадиционалистских заявлениях, в требовании решительного разрушения традиционалистского сектора: «без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России» [27, т.17, с.274]. С другой стороны, идея «американского» пути предполагала *разрушение наиболее капиталистически модернизированного сектора сельского хозяйства*. В.И.Ленин настаивал на конфискации земель помещиков (и национализации всего земельного фонда), ясно осознавая, что на данных землях капитализация экономических отношений идет быстрее, чем в крестьянском хозяйстве [27, т.16, с.325; 27, т.17, с.77, 133].

Во имя кого предполагалась эта существенная — по марксистским представлениям — экономическая жертва? Во имя тех, кто еще не был носителем капиталистических имущественных отношений, по оценке самого же В.И.Ленина. Он констатировал, что в России еще не сложился капиталистический аграрный порядок [27, т.17, с.32], и отказался от своей мысли о полной включенности русского крестьянства в сферу аграрного капитализма, заявив о переоценке уровня капитализации в своих работах до 1905 г. [27, т.16, с.220]. Предположение, что носители традиционалистского сознания обеспечат лучшее (для марксиста — капиталистическое) будущее страны, чем наличные носители новых экономических отношений, мало соответствует эволюционистской схеме. Зато, это вполне соответствует праксеологической схеме, где субъект мыслится распремечивающим объективные условия своей деятельности и в этом смысле достаточно свободен от их наличной конфигурации. Следствием

распредмечивания выступает *интерес* субъекта, как осознание ценности данных условий для воспроизводства самого субъекта. Объективные условия даны субъекту всегда опосредованно, через сознание, поэтому их воспроизводство *вариативно*. В рамках праксеологической схемы вполне уместно представление о доверии к историческому опыту социальных групп, который выражает их коллективный интерес. Это доверие не было безусловным. Так, в работе «Что делать?» В.И. Ленин полагал, что исторический опыт пролетариата не может выработать социалистического сознания и, значит, осознать свой интерес.

Еще в ранней работе автор критиковал «полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами» [27, т.2, с.539]. Этой идее он был верен и в последующем. В стихийно сложившейся организации — «совете рабочих депутатов» — В.И. Ленин увидел прообраз революционно-демократической диктатуры. Аграрный проект национализации всего земельного фонда, предложенный В.И. Лениным, соответствовал экономическому идеалу низового традиционализма — «черному переделу». Неудивительно, что вождю большевизма приходилось отвечать критикам, говорившим о «народническом перерождении» части социал-демократии. Среди этих критиков был и известный российский марксист Л. Мартов [27, т.17, с.389].

Торжество философской праксеологии над эволюционистской схемой в мировоззрении В.И. Ленина выразилось в его тезисе о «забегании революции» далее решения ее объективных задач [27, т.17, с.47].

Освоение философской праксеологии и сопутствующая модификация естественно-научного материализма в философском мировоззрении В.И. Ленина достаточно хорошо изучены в литературе на примере «Философских тетрадей».

Далее, «Апрельские тезисы» знаменуют уже и разрыв с марксовским социологическим детерминизмом, по крайней мере, в версии К. Каутского — Р. Люксембург. Провозглашенный курс на социалистическую революцию означал одновременно: а) превращение (хотя и *неполное*) всеобщего марксистского социального идеала в практическую программу. Оптимизационный идеал русского марксизма перестал быть проакапиталистическим; б) социализм перестал рассматриваться как послекапиталистическое общество.

В работах В.И. Ленина после февраля 1917 г. аргументация в пользу социалистической перспективы России носит не столько марксистский, сколько государственно-патриотический характер. По его мнению, шаги к социализму должны быть сделаны не потому, что капитализм исторически в России исчерпал возможности роста. Антикапиталистические меры, по В.И. Ленину, необходимы для спасения страны от надвигающейся катастрофы, чего не мог сделать «запутавшийся» отечественный капитализм.

Итоги этой мировоззренческой эволюции подведены в работе «Государство и революция». Здесь автор продемонстрировал как преемственность идеи К. Маркса, так и разрыв с его европейскими социал-демократическими интерпретаторами.

Прежде всего, В.И. Ленин подтвердил приверженность *этической* концептуализации социального идеала. Он настаивал на признании не-репрессивного, безгосударственного общества как всеобщего марксистского идеала: «мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще» [27, т.33, с.83].

Первым шагом к такому обществу автор полагал создание «диктатуры пролетариата», которое уже будет «отмирающим» или «полу-государством». Этот проект

— возвращение к идее Ж.Ж.Руссо о «прямой демократии», правда, с некоторыми намеками об исключении из нее некоторого количества индивида: «диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров».

Полное осуществление прямой демократии тождественно для В.И. Ленина с созданием социализма: «такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства» [27, т.33, с.100]. Прямая демократия также отождествляется с бесгосударственным состоянием: «вместо особых учреждений привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии, само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти».

Напротив, представительная демократия (в духе Монтескье) виделась русскому автору антагонистом социализма, адекватной политической формой капиталистического общества. Марксизм предусматривает одинаковую историческую судьбу демократии — она преодолевается. Только полная демократия «отмирает» по мере превращения в самоуправление индивидов, а представительная демократия — «разрушается». Прямая демократия виделась автору в форме Советов, которые не знают разделения исполнительной и законодательной власти. Замысел «Советской власти» можно отнести к образу «мимикрирующей» интеллектуальной вестернизации. С одной стороны, власть Советов представлялась следствием высокого развития капитализма. В.И.Ленин повторил тезис А.А.Богданова, что капитализм упростил задачу управления обществом и сделал ненужными особую группу организаторов: «капиталистическая

культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям» [27, т.33, с.44].

С другой стороны, В.И.Ленин, по-видимому, осознавал непригодность этого тезиса к российским условиям. И тогда автор обратился к ценностям традиционализма, надеясь в них найти опору для *ограничения* идеала прямой демократии. В.И.Ленин принял программу того, что он назвал «примитивным демократизмом». Особая группа специалистов управления оставалась, но лишалась своего корпоративного статуса и экономического поощрения: «переход от капитализма к социализму невозможен без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?)» [27, т.33, с.44]. Очевидно, что уравнивание денежных доходов специалистов по управлению и основной массы трудящихся — мера антиинтеллектуалистская и была бы оправдана, если бы была достигнута равная квалификация всего персонала народного хозяйства (на что указывал А.А.Богданов). Уступка европейской традиции управления посредством компетентных специалистов при использовании традиционалистского отношения к разделению труда соединялась у В.И.Ленина при помощи представления о насилии. Специалисты по управлению должны будут работать под «контролем вооруженных рабочих» за среднюю заработную плату.

Проблема насилия обсуждалась В.И.Лениным применительно к его оптимизационным идеалам. Автор утверждал, что всеобщему идеалу марксизма — коммунизму (тотальной субъективации общества) —

предшествует последовательная реализация двух оптимизационных идеалов: а) общества «переходного периода»; б) социализма.

Несмотря на то, что В.И. Ленин значительно увеличил (по сравнению с европейскими марксистами) историческую дистанцию между реальным обществом и всеобщим идеалом, его следует отнести к числу немногих последовательных сторонников исторического финализма. Абсолютный идеал — коммунизм — мыслился осуществимым в условиях данной реальности, вне какой-либо трансцендентной перспективы.

Идея «переходного периода» — ответ В.И. Ленина на тезис марксистов о «неготовности» России к социализму. При всем обилии критических замечаний в адрес «теоретиков II Интернационала» В.И. Ленин не оспаривал этот их тезис. Косвенное согласие с ним заключалось в основном контр-аргументе вождя большевизма: революционные марксисты не ставили задачей «введение социализма», а требовали осуществления быстрых и решительных шагов к нему, понимаемых как установление диктатуры пролетариата. Окончательная редакция этой идеи, как известно, дана в знаменитой рецензии В.И. Ленина на мемуары Н. Суханова. В заметке «О нашей революции» он полагал, что при диктатуре пролетариата Россия создаст необходимые предпосылки социализма.

Объединяло два оптимизационных идеала В.И. Ленина (общество переходного периода и социализм) то, что оба рассматривались как варианты *мягкой социальной среды*. Сохранялся объективный социальный порядок, использующий средства принуждения, но не препятствующий росту общественного самоуправления и, тем самым, «отмиранию» этого и так уже «полугосударства».

Приведенный выше обзор представлений о социальном идеале главных теоретиков отечественного

марксизма — А.А. Богданова, А.В. Луначарского, В.И. Ленина — позволяет утверждать, что все основные концептуальные схемы, известные русской философии «Серебряного века» при создании моделей совершенного общества, встречались и в работах этих авторов. Это делало русский марксизм вполне конкурентоспособным *идейным* течением, альтернативу которому создавала десятилетиями философия русского Зарубежья, молчаливо или открыто признавая относительную правоту победителей 1917 г. идеей «третьего пути» — суммативным социальным проектом философской эмиграции.